

ТРАНСГРАНИЧНАЯ МИГРАЦИЯ В ПОЛИЦЕНТРИЧНОМ МИРЕ

Сфера международной миграции населения относится к числу тех социально-экономических пространств, где особенно ярко отражаются современные геополитические трансформации и формирование новой, «неклассической», полицентричной и многоуровневой архитектуры мироустройства. При этом и сами трансграничные людские передвижения, которые ныне приобрели небывалый размах, становятся все более значимым фактором мировой экономики и политики.

Согласно данным ООН, численность международных мигрантов (лиц, проживающих за пределами страны происхождения) на планете увеличилась с 174,6 млн. чел. в 2000 г. до 304 млн. чел. в 2024 г., опережая демографическую динамику и соответственно составляя все большую долю в мировом населении – с 2,83% до 3,72%¹. А если учитывать родившихся в принимающих странах потомков прежних переселенцев, то жителей с иностранными корнями будет насчитываться больше в разы, что говорит о весьма крупном общественном формате миграционных процессов.

В силу масштабности передвижений наряду с устойчивостью их маршрутов и изменчивостью динамики, ростом вынужденных и недокументированных потоков, несущих серьезные вызовы национальной безопасности, и усилением миграционной взаимозависимостью государств – расширяются возможности использования миграции одними государствами для внешнеполитического воздействия на других и одновременно возрастает

¹ International Migrant Stock 2024. <https://www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock> (дата обращения: 9.05.2025).

их подверженность и уязвимость подобному воздействию². При концентрации потоков между ограниченным числом государств нарастает и сосредоточение у последних миграционной силы. Статус главных участников миграционных процессов конвертируется в позиции ведущих игроков на миграционной площадке внешней политики, формирующих вокруг себя силовые пространства.

Политологи, опираясь на данное Дж. Наем-мл. определение силы, называют миграционной силой (*migration power*) способность воздействовать на международных акторов посредством влияния на миграционные потоки³. В более широком плане можно говорить об ориентированном на достижение конкретных внешнеполитических целей многообразном влиянии на миграционные процессы, не ограничиваемом потоками.

Исходя из реалистского понимания силы как кумулятивной мощи и потенциала, миграционную силу можно рассматривать как «”своего рода национальный ресурс”, с которым, как и с другими, надо уметь обращаться»⁴. Величину этой силы можно оценивать по численности иммигрантов в принимающих государства, численности эмигрантов, проживающих за пределами отдающих государств, а также интенсивности потоков через транзитные государства. Толкуя силу как воздействие, миграционную силу правомерно связывать с искусством управления миграцией (*migration statecraft*), в частности с использованием инструментария миграционной политики, предназначенного для оказания влияния на мирополитические процессы. При этом характер миграционной силы и возможности ее применения зависят от значимости занимаемых конкретными государствами

² Цапенко И.П. Внешнеполитические вызовы и инструментализация миграции // Полис. Политические исследования. 2025. № 1. С. 134–148.

³ Saltalamacchia N., Urzúa M.-J. Migration power in interstate relations: A conceptual approach // Working paper. 2024. DOI: 10.2139/ssrn.4863344

⁴ Teitelbaum M. Immigration, refugees and foreign policy // International Organization. 1984, no. 38(3), p. 447.

позиций и выполняемых ими ролей в миграционной сфере: донора, реципиента или транзитера мигрантов, либо сочетаний этих ролей.

Принимая большие контингенты мигрантов и за счет этого увеличивая свое население и рабочую силу, стимулируя рост экономики, государства тем самым опосредованно укрепляют свой геополитический потенциал. При этом они обретают и непосредственные инструменты влияния на страны исхода, осуществляемого посредством изменения условий въезда и проживания выходцев из соответствующих стран. Согласно данным ООН, в 2024 г. к числу мировых лидеров по числу проживавших в стране иммигрантов относились такие классические ведущие державы глобального Севера, как США (52 млн), Германия (17 млн), Великобритания (12 млн), Франция, Испания и Канада (по 9 млн), Австралия и Россия (по 8 млн), Италия (7млн), Япония (3млн)⁵. Эти страны, сталкивающиеся с острой структурной нехваткой местных работников, привлекают иностранцев более высоким уровнем благосостояния и качества жизни, лучшими перспективами карьеры и профессиональной самореализации. Среди новых, восходящих региональных держав Юга мощными магнитом, притягивающими население, выступают Саудовская Аравия (14 млн), Турция (7 млн) и Иран (4 млн). При этом, согласно данным УВКБ ООН, в 2024 г. Иран и Турция стали лидерами по числу принятых беженцев (3.8 млн и 3.1 млн соответственно) [20, p. 13]. Обладание подобным статусом предполагает возможности давления, которое, в частности, может оказываться на государства Севера и их организации с целью получения от них финансовых и иных выгод.

Благодаря наличию больших диаспор соотечественников крупным отдающим страны доступны механизмы зарубежного лоббирования их интересов. Согласно данным ООН, в 2024 г. главными донорами населения были Индия (19 млн проживавших за рубежом эмигрантов), переходящая в разряд мировых держав, и Китай (12 млн), уже признанный мировой

⁵ International Migrant Stock 2024.

державой. В эту группу также входят региональные державы: Мексика (12 млн), Пакистан (7 млн), Египет (5 млн), Индонезия (4 млн)⁶, быстрое развитие которых формирует большие контингенты мобильных работников, устремляющихся за рубеж в поисках лучшей доли. Стимулируя или сдерживая исходящие потоки, эти страны могут воздействовать на государства назначения.

Судя по главным маршрутам транзитной миграции: из тропической Африки, Южной Азии и с Ближнего Востока в ЕС и из Латинской Америки в США, ведущими транзитерами мигрантов выступают Турция и Мексика, а также Марокко, Ливия, Алжир и Тунис⁷. Нахождение на пути следования крупных потоков, особенно по соседству с крупными странами назначения, позволяет с помощью инструментализации миграции извлекать выгоду из такого положения. Иными словами, выступая не в качестве демографической компоненты мощи государства, а как самостоятельный инструмент геополитики, миграция способна увеличивать силу крупных транзитеров и доноров людских потоков, когда они просто пропускают население через свою территорию или даже его отдают другим странам.

Крупных и влиятельных участников миграционных процессов можно квалифицировать как центры миграционной силы. Они представляют субъектов международных отношений, которые не только потенциально способны с помощью миграционного инструментария воздействовать на поведение других акторов и добиваться внешнеполитических целей, но и при определенных условиях реализуют в практике международных отношений силовой миграционный потенциал. Это главным образом государственные акторы и их интеграционные объединения, как например ЕС.

В то же время сопоставление списков ведущих держав и ключевых участников миграционных процессов – центров миграционной силы

⁶ Там же.

⁷ World Development Report 2023. Wash. DC: WB, 2023, p. 250.

указывает на их неполное совпадение. Это позволяет говорить о том, что в дополнение к опорной системе глобальных и региональных «многопрофильных» центров «универсальной» силы» выстраивается подсистема «отраслевых» центров, аккумулирующих и мобилизующих миграционную силу в международных отношениях. Более того, состав центров миграционной силы гораздо подвижнее в силу переменчивости потоков и несистемности инструментализации миграции.

Индикатором активности и влиятельности центров миграционной силы могут служить масштабы и эффективность применения миграционных мер, направленных на продвижение национальных (или макрорегиональных) интересов в территориальных пространствах других государств. Можно условно выделить три направления политики центров миграционной силы.

Во-первых, это принуждение миграцией. Центры эмиграционной и транзитной силы практикуют искусственное провоцирование и пропуск по своей территории людских потоков, привлечение диаспор соотечественников для лоббирования в странах их проживания своих интересов, в том числе с использованием неконвенциональных средств, и др. Центры иммиграционной силы в свою очередь ужесточают правила въезда, пребывания, проживания, занятости, коммерческой деятельности и т.п. определенных категорий мигрантов, вплоть до закрытия границ для уроженцев конкретных государств и депортаций нежелательных иностранцев, или же манипулируют угрозами таких действий для оказания нажима на оппонентов.

В условиях усиливающейся вепонизации миграции наиболее резонансным проявлением подобной оппортунистической политики служит возникновение класса так называемых миграционных рантье⁸, которые будучи странами – «накопителями беженцев», наживаются на последних⁹. Так,

⁸ Tsourapas G. Migration diplomacy in the Middle East and North Africa. Power, mobility, and the state. Manchester: Manchester University Press, 2021, p. 34.

⁹ Adamson F., Greenhill K. Deal-making, diplomacy and transactional forced migration // International Affairs, 2023, vol. 99, p. 724.

Турция, шантажируя ЕС новой волной миграционного кризиса, смогла в 2016 г. добиться от Союза крупного пакета помощи (6 млрд евро) в обмен на обратный прием проникших через ее территорию в Европу недокументированных иностранцев.

Во-вторых, побуждение к миграционному сотрудничеству. В целях противодействия стихийному притоку нежелательных, недокументированных мигрантов более богатые принимающие государства привлекают к кооперации в этой области отдающие и транзитные страны, предоставляя им разного рода содействие и уступки. Например, выделяются дополнительные въездные визы для их граждан, финансовые средства на нужды развития и гуманитарная помощь, в частности беженцам, оказывается поддержка в улучшении системы пограничного контроля, реализации программ профессиональной подготовки населения, реинтеграции возвращаемых мигрантов и др.¹⁰

Подобный курс стал неотъемлемым элементом стратегии внешней политики ЕС (в отношении третьих стран: Индии, Марокко, Туниса, Египта, Турции и др.) и США (в отношении Мексики и стран Центральной Америки). Его особенностью является экстерриториальный характер регулирования миграции (за пределами территории регулирующего государства), когда считающимся безопасными странам делегируются полномочия по осуществлению пограничного контроля и фильтрации мигрантов, включая рассмотрение прошений о предоставлении убежища. На эти страны также возлагается обязанность обратного приема возвращаемых мигрантов, незаконно выехавших с их территории. Статистические данные США об уменьшении числа задержанных и росте числа депортированных нарушителей их южной границы в период действия согласованной политики [23, р. 712] говорят о конструктивной потенции таких инициатив [29].

¹⁰ Биссон Л.С. Миграционная дипломатия: взгляд на отношения ЕС и Африки // Современная Европа. 2024. № 6. С. 57–67.

В-третьих, продвижение позитивного национального образа средствами миграционной политики. Мягкое влияние центров миграционной силы связано с притягательностью либеральных и инклюзивных мер миграционной политики. Таковую привлекательность придают принимающим государствам благоприятные условия въезда, проживания, учебы и трудовой деятельности определенных категорий мигрантов, в первую очередь иностранных студентов, а также беженцев и членов семей мигрантов. Отдающие государства сохраняют влияние на соотечественников, проживающих за рубежом, благодаря правовой, культурно-языковой и иной поддержке последних, упрощению правил выезда за границу и т.п.

Таким образом, центры миграционной силы играют все более заметную роль в международных отношениях. Для достижения целей они используют разнообразный инструментарий. Однако более конструктивными и перспективными представляются кооперационные средства, дополняемые мягким влиянием.